

Памяти Юрия Шихановича

1. Редактор, переводчик, автор

Мы были знакомы очень давно, с начала 60-х. Но тогда – не очень близко. В чем-то наши интересы пересекались и у нас было много общих знакомых.

Я работал тогда в ВИНТИ в отделе семиотики. Отделом заведовал Д.А. Бочвар, химик по основной специальности и один из самых известных советских логиков «по совместительству». Двумя секторами этого отдела заведовали В.А. Успенский и Ю.А. Шрейдер. В отделе работало много интересных людей, в частности А.С. Есенин-Вольпин и И.Х. Шмаин.

Шихановича все знали. Причин (почему знали) было много, перечислю только некоторые, то, что сразу приходит в голову.

Он сам в конце 50-х работал в Лаборатории электро моделирования ВИНТИ, на базе теоретических отделов которой и возник отдел семиотики.

Он был редактором вышедшей в 1960 г. книги Успенского «Математическая логика и основания математики», и Успенский писал, что «без его (Шихановича) помощи эта книга, вероятно, не была бы написана».

В 1965 г. вышло русское издание «Теории множеств» Н.Бурбаки в переводе Поварова и Шихановича под редакцией Успенского. И в том же году вышел учебник Шихановича «Введение в современную математику: начальные понятия» – популярное и подробное изложение основ теории множеств, самого языка математики и основных логических понятий. Книжка вышла тоже под редакцией Успенского. У меня были эти книги, я по ним учился, а учебником активно пользовался, когда сам начал преподавать.

В 1968 г. Илья Шмаин подарил мне книгу Р. Стола «Множества. Логика. Аксиоматические теории», которую он перевел вместе с Ю.А. Гастевым. Редактором был Шиханович. А в 1971 г. вышла книга Шрейдера «Равенство, сходство, порядок» и опять же под редакцией Шихановича.

Это я всё к тому, что хотя тогда мы не были близкими знакомыми, его имя (еще *Шиханович*, а не *Юра*) уже прочно сидело в моей голове.

2. Легендарный преподаватель знаменитого ОТИПЛа

Он преподавал тогда математику лингвистам на знаменитом Отделении Теоретической и Прикладной Лингвистики (ОТИПЛе)¹ филологического факультета МГУ. Это Отделение «придумали» и создали два Владимира Андреевича – В.А. Звегинцев и В.А. Успенский. Идея Отделения была одновременно и банальна, и революционна: готовить не *филологов*, а *лингвистов*. Для этого нужно было создать программу преподавания современной лингвистики и учить начинающих лингвистов математике.

Звегинцев стал заведующим Отделением, а Успенский «заведовал» преподаванием там математики. История создания Отделения подробно описана в мемуарах В.А.Успенского² и А.Е.Кибрика (<http://otipl.philol.msu.ru/about/history/index.php>).

Кибрик, в частности, писал:

Математический цикл обеспечивали молодые талантливые математики, увлеченные приложением математических знаний к гуманитарной науке — лингвистике: Владимир

¹ Какое-то время это отделение называлось Отделением структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛОм) по имени одноименной кафедры, которой заведовал Звегинцев.

² См. Успенский В.А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР. Как это начиналось (заметки очевидца). В двухтомнике автора «Труды по НЕ математике», М., ОГИ, 2002 (т. 2, стр. 925-1066).

Андреевич Успенский, Юрий Александрович Шиханович и Александр Дмитриевич Вентцель.

...

[Одним из принципов учебного плана было] усиленное изучение математики на протяжении всего периода обучения. Престижная позиция математики при этом определяется не только и не столько возможностями ее практического сиюминутного использования в тех или иных областях лингвистики, а ее репутацией основного претендента на роль общей философии науки: математика формирует специфический научный менталитет, критерии точного знания. В той степени, в какой для лингвиста является целью достижение объективного, точного, адекватного знания (справедливости ради надо отметить, что, при всей важности этих качеств, достоинства лингвистического исследования далеко не исчерпываются ими), в той степени лингвисту необходимо усвоение такого менталитета.

Кибрик называет трех математиков. Все они были яркими людьми, замечательными преподавателями и при этом очень разными. Шиханович, преподававший начала современной математики, учил четкости, необходимой занудливости, так сказать, математической гигиене.

Но своеобразие фигуры Шихановича определялось, конечно, не только его талантами преподавателя. Его ученики того времени до сих пор рассказывают и пересказывают легенды о нем. Но об этом немного позже.

А пока статья из Википедии (с некоторыми сокращениями)

3. Некоторые факты (http://ru.wikipedia.org/wiki/Шиханович,_Юрий_Александрович.)

Юрий Александрович Шиханович (9 апреля 1933 — 1 сентября 2011) — советский и российский математик и правозащитник.

...родился в 1933 году в Киеве. Получил математическое образование... Кандидат педагогических наук.

...

В 1968 году уволен из МГУ за подписание коллективного письма в защиту А. С. Есенина-Вольпина. Участник издания (с 1970-х гг) и редактор «Хроники текущих событий». С 1980 г. стал играть ведущую роль в издании «Хроники».

Политзаключенный (1972—1974 в СИЗО, психбольнице). Вновь арестован в 1983 г. Выпущен в 1987 году.

С 1995 г. преподавал в Российском государственном гуманитарном университете. Читал курсы лекций «Введение в математику», «Теория алгоритмов», «Математическая логика», «Математический анализ». Был доцентом кафедры математики, логики и интеллектуальных систем в гуманитарной сфере Института лингвистики РГГУ.

Ссылки:³

<http://www.sakharov-center.ru/news/memo/jshikshanovich/>

<http://www.polit.ru/news/2011/09/02/shikhanovich/>

В дополнение к тексту из Википедии приведу еще одну цитату из мемуаров Кибрика:

Первым прогремело на кафедре и факультете "дело Шихановича". Ю. А. Шиханович выполнял основную нагрузку по математике на отделении, будучи, в отличие от прочих математиков, штатным сотрудником филфака. Я не встречал за всю свою жизнь более фанатически преданного своему предмету преподавателя, чем Юрий Александрович Шиханович. Он не щадил ни своего времени, ни, тем более, времени своих студентов ради достижения педагогических результатов. Кульминацией учебного процесса были экзамены. Длились они до закрытия факультета, после чего Ю. А. Шиханович уводил своих жертв на центральный телеграф, где продолжался этот пир математической мысли. Можно было по-разному относиться к этим математическим марафонам, но невозможно было усомниться в высочайшей преданности Шихановича своему делу. За несколько недолгих лет преподавания на отделении Ю. А. Шиханович подготовил и опубликовал книгу "Введение в современную математику. М., 1965", ставшую незаменимым учебным пособием для осиповцев и оставшуюся таковым по сей день. И вот этот-то преподаватель был в 1968 году уволен в одну из первых волн борьбы с "подписантами" (Ю. А. Шиханович участвовал в письме в защиту А. С. Есенина-Вольпина). Это была одна из политических репрессивных

³ Приводимые в Википедии ссылки — это некрологи на сайтах Сахаровского центра и Полит.Ру соответственно

кампаний, череда которых не заставила себя ждать.

... Как я помню, со слов В. А. Звегинцева, ректор И. Г. Петровский лично был против увольнения Ю. А. Шихановича, но вынужден был приказ подписать, под давлением решения Ученого совета филфака.

4. Лида⁴

В 1975 г. в моей жизни появилась Лида. Она училась на ОСИПЛе – поступила в 1962 году, это был третий набор, и закончила в 1967. Она много рассказывала о Шихановиче. Его лекции, стиль преподавания, сам стиль общения со студентами и отношения с ними были одним из самых ярких впечатлений её студенческой жизни. И всегда, когда приходили её подруги по университету, рассказывались и пересказывались какие-то истории, связанные с Шихановичем.

Историй было много. И упомянутые Кибриком экзамены, заканчивающиеся на Центральном телеграфе, и то, как какая-то девочка жаловалась, что у нее была крапивница – аллергия на Шихановича, или просто, как он мог смотреть на какую-то формулу в сданной ему работе и говорить, например: «Я Вас не понимаю, Лидия Владимировна⁵», если в формуле не хватало скобки. И т.д и т.п.

Видно было, что большинство студентов его любило, некоторых он раздражал, но всем дороги были эти истории. Хотелось бы надеяться, что его бывшие студенты составят «антологию» таких историй в память о нем.

Лида рассказывала, что когда он вернулся из психушки в 74 году, она с несколькими другими его студентами, сразу пришла к нему. И с тех пор ее отношения с ним стали ближе. А потом, по транзитивности, и мои. Он приходил на ее дни рождения и другие «мероприятия», мы ходили к нему, было и другое общение.

В 81 г. Юра с Алей и Лида с Валерой⁶ ездили летом на базу отдыха «Желдаки» на Десне, на Украине, недели на две или на три. База принадлежала какому-то предприятию, условия были довольно примитивные – маленькие однокомнатные домики-будки, коммунальная кухня и т.п. Но они вернулись довольные и друг другом, и отдыхом.

После этой поездки Лида сочинила шуточное стихотворение или песенку «Желдаки»:

ЖЕЛДАКИ

Хочешь жить у реки – поезжай в Желдаки
Где к Десне устремляется Сейм
Здесь бильярд и сосна, кухня газом полна
И сияет безоблачный день.
О, мои Желдаки!

Поезжай в Желдаки, будут ноши легки
Здесь все вещи дают напрокат
Даже вилки и таз, а пинг-понг лишь на час
Только карты с собою вези.
О, мои Желдаки!

Хочешь есть бураки, поезжай в Желдаки
Здесь у каждого свой огород
Помидоры, чеснок, огурцы, кабачок
Только масло ты здесь не ищи.
О, мои Желдаки!

Могут лишь дураки покидать Желдаки
Но имеет же все свой конец
Надоела нам тишь, подавай нам Париж
Или Киев – сойдет все равно.
Прощай, о Желдаки!

⁴ Лида – Лидия Владимировна Кнорина, моя покойная жена.

⁵ Шиханович называл всех своих студентов по имени-отчеству. Он вообще всегда настаивал на «симметричности» отношений: «на ты» или «на Вы», по имени или по имени отчеству и т.п.

⁶ Аля – А.П. Плюснина, жена Ю.А., Валера – В.Э. Кнорина – дочка Лиды.

Лида писала не только стихи «на случай», но и «настоящие» стихи и песни, последние – часто на сюжеты сказок. Две песенки она посвятила Юре. В изданной книжке⁷ перед каждой песенкой помещено небольшое предисловие, расшифровка ее устного комментария на оставшейся кассете. Ниже две песенки с этими предисловиями:

...Они [эти песенки], в основном, тоже все на сказочные сюжеты. Первая песенка про гонца. Она посвящается Юрию Александровичу Шихановичу.

ГОНЕЦ

Я открою двери,
Встану у крыльца.
- Подожди немного,
Подожди гонца.

Я открою двери,
И погаснет свет.
- Подожди немного, –
А гонца все нет.

Я открою двери –
Может мне уйти?
- Подожди немного,
Он уже в пути.

Я открою двери,
Что же наконец?
- Подожди немного,
Подожди, гонец

Я открою двери,
Что же наконец?
- Подожди немного,
Не придет гонец.

1980

Следующая песенка про козленочка из сказки про... как это называется... «Братец Иванушка, сестрица Аленушка». Ну, козленочек, который, несмотря на все предупреждения гигиенического характера, пьет из копытца и становится козленочком. Ну а из этого, все-таки, может быть, проистекают какие-то положительные стороны или он их так видит. А песня эта посвящается опять-таки Юрию Александровичу Шихановичу.

КОЗЛЕНОЧЕК

Я напьюсь поскорей из копыта,
Моя прежняя внешность забыта,
Но душа-то останется прежней,
И года потекут безнадежней.

Я расту как козел длиннорогий,
Я хожу перед вами убогий,
Но зато уж могу я напиться
Из любого другого копытца.

В наказании моем есть награда:
Не страшны для меня муки ада,
А вам хочется пить, вам неймется,
Если вам далеко до колодца.

Хорошо и свежо в моем горле,
Я совсем одинок в моем горе,
Но зато уж могу я напиться
Из какого угодно копытца.

1981

⁷ Они опубликованы в ее книжке Лидия Кнорина, «Стихи и песни», М., «Гуманитарный фонд», 1994.

5. Диссидент

Как сказано в некрологе Сахаровского центра (<http://www.sakharov-center.ru/news/memo/jshikshanovich/>), Шиханович «... с середины 60-х участвовал в диссидентском движении... Юрий Александрович был многолетним членом редакторского коллектива “Хроники Текущих Событий” и старинным другом Елены Георгиевны Боннэр и Андрея Дмитриевича Сахарова.»

В конце 70-х – начале 80-х власть не оставляла его своим вниманием, в частности, ему время от времени надолго отключали телефон. Я помню, как он несколько раз приходил к нам звонить (в Лидину квартиру на Рязанский проспект), абонентов у него было много и он сидел за телефоном часа по полтора-два.

«Хроника». А как-то Юра пришел и спросил – нельзя ли у нас на время кое-что оставить. Я спросил – что? Он ответил – «Хронику». Мы согласились, я поставил увесистый сверток на антресоль. Через какое-то время он пришел и забрал оставленное, видимо нашел более подходящее место. Не скрою, я вздохнул с облегчением.

С этими его визитами связан один эпизод, который характеризует тогдашнюю жизнь.

Ограбление и признаки паранойи. Дело было летом, в каком году, уже не помню (но не позже 81-го, т.к. осенью 81 г. мы переехали в Строгино и там долго не было телефона). Лидина квартира была на первом этаже. Я ушел из дома и не закрыл форточку – было очень жарко. А часа через два после моего ухода пришла Лида и увидела, что в квартире все перевернуто. Видимо через форточку залезли воры, все перерыли, забрали Лидино колечко, унаследованное еще от бабушки, и еще кое-какие ее безделушки.

Вызвали милицию. Они попросили составить список украденного, но сразу сказали, что дело дохлое. Воруют, мол, самые разные люди: и профессионалы, и соседи, и случайные прохожие.

А через какое-то время Лиде в голову пришла параноидальная идея – а вдруг это ГБ? Они, мол, вычислили, что к нам ходил звонить Шиханович и решили отомстить или проверить – не оставил ли чего. К тому же наш комендант, бывший гэбэшник, вел себя как-то странно...

Но Лида быстро согласилась со мной, что идея эта была слишком изысканной, всё, почти наверняка, гораздо проще, обычные воры...

* * *

В 83 году Шихановича снова арестовали и на этот раз послали в лагерь.

Традиция отмечать его день рождения продолжалась и после его посадки. Мне помнится, что 9 апреля 84 г мы с Лидой позвонили и то ли Аля, то ли Катя сказала: «Мы принимаем...» И мы пришли, и были далеко не одни.

В 87 г. после освобождения Сахарова, его выпустили вместе с другими политзаключенными. Теперь на его дни рождения приходили десятки людей – и старые знакомые, и бывшие студенты, и друзья-правозащитники.

Время было бурное и интересное. То и дело проходили какие-то выставки, концерты, выступления, которые раньше были невозможны. Юра узнавал обо всем первым и приглашал нас и других друзей на эти мероприятия. Помню, как мы ходили на концерты Коржавина и Кима, какие-то выставки, на выступление Сахарова.

Болезнь Лиды и участие Юры в её вызволении из психушки. В начале февраля 1994 г. Лида заболела. Тяжелый грипп. Бессоница. И вдруг неожиданное осложнение – острый психоз. Госпитализация.

Я писал об этом в своем тексте «История болезни» (<http://lidiaknorina.narod.ru/ist.htm>). Поэтому здесь – пунктиром.

Острый период прошел. Больница была ужасная. И Лиде, и мне показалось, что надо её из этой больницы вызволять, найти хорошего врача и продолжать лечиться дома. Тем

более, что в отделении объявили карантин – дифтерит, а заведующая отделением, и, вроде бы, единственный врач там, куда-то уехала на 4 дня.

Но – не выпускают. Хотя и не спецпсихушка, но все равно, больше похоже на тюрьму, чем на больницу. И я позвонил Юре. Он был тогда членом «Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» (председателем был Сергей Ковалев).

Описал ему ситуацию. Он меня, конечно, предупреждал, что психоз – дело серьезное. Но сказал, что недавно вышел новый закон о психиатрии. А по нему без согласия больного держать его в больнице нельзя. Этот закон только что «достиг» больниц, был ещё внове для администрации, и они его боялись.

Получив эту консультацию, мы добились, что из больницы Лиду отпустили. Нашли врача. Лида постепенно приходила в себя. И, вроде бы, совсем выздоровела, начала работать. Читала лекции в МГУ. А в мае началась депрессия... И 4 июня она покончила с собой.

6. Две истории

Все, кто писал или рассказывал о Юре, отмечают, что он помогал самым разным людям самыми разными способами. Здесь – мои истории.

Дачная мебель. Осенью 87 г. мы с Лидой купили дачу. Это был садовый участок в 6 соток в 150 км. от Москвы. На участке стоял покосившийся сарай, в котором мы ночевали.

Но тогда уже появились строительные кооперативы, мы взяли кредит и в 88 г. был построен дом. Из мебели были доставшиеся от прежних хозяев две раскладушки и сундук, кухонный стол, который мы успели купить в районном центре, и несколько табуреток, которые подарила Лидина мама.

Но Лида уже звала гостей и Юра приезжал к нам (кажется) осенью 88 г. Приехав, он сказал: «Хотите, я подарю вам мебель?» . Оказалось, что один его приятель, физик, отсидевший, как и Юра, срок в лагере и тоже недавно выпущенный, уезжал в ЦERN. Навсегда. У него в квартире была какая-то старая мебель, тоже, кажется, подаренная ему его знакомыми и явно не товарного вида – кровать, столик, шкаф, что-то вроде подсервантника, что-то еще. И он готов был её отдать.

И вот в день, назначенный этим Юриным приятелем (видимо, в день, когда он покидал эту квартиру), я заказал машину, мы с Юрой к нему приехали и погрузили эту мебель. И по сей день она составляет существенную часть нашей дачной мебелировки.

Сигареты для Елены Боннэр

Вначале немного личной истории. В январе 1995 г. на конференцию в МГУ приехала моя старая знакомая, американка Барбара Парти. Я познакомился с ней в 1968 г. на конференции в Венгрии и с тех пор мы не виделись.

В 95 и в 96 годах Барбара снова приезжала в Москву, читала лекции в МГУ. Мы встречались с ней также на конференции в Чехии, вместе читали лекции для аспирантов в Голландии. А затем получили американский грант for collaborative research. И в феврале 97 года я оказался в Америке. В апреле мы поженились.

С тех пор мы стали жить на два дома, «одна нога в Америке, другая в Москве». И регулярно, два раза в год, ездили туда и обратно.

Но это все присказка. Перехожу к теме этой истории. Как-то Юра попросил передать пару блоков сигарет Елене Боннэр, которая жила тогда недалеко от Бостона. Я знал, что они давно и близко знакомы. Сахаров был у здания суда, когда шел процесс над Юрой. Когда Сахарова, а потом и Елену Боннэр сослали в Горький, Юра помогал им, в частности в разных бытовых делах. Тем не менее, просьба меня удивила – Елена Боннэр, великая женщина, и такая земная просьба.

Но Юра знал лучше. Е.Г. была заядлым курильщиком. Сигареты в Америке стоили дорого, а в России тогда гораздо дешевле (те же самые марки).

И я взял сигареты, созвонился (в Америке) с Еленой Георгиевной и послал ей бандероль. К сигаретам приложил, как визитную карточку, свою книжку «За языком» (дневники лингвистических экспедиций, в которых я принимал участие). И был вознагражден – через несколько месяцев я получил от Е.Г. письмо (e-mail). Привожу его в исходном виде – в её своеобразной транслитерации и с опечатками:

From: "Elena Bonner" <elena.bonner@verizon.net>

To: <borshev@linguist.umass.edu>

Sent: Monday, December 01, 2003 12:19 AM

Subject: za yazikom

Ya prochla Vashu knigu, kotoruiu vi prislali mne vmeste s peredachkoi iz Moskvi. Eto ochen horoshaia, chelovechnaia kniga. Kogda chitala, vse vremia refrenom bili slova (nazvanie filma) pro urodov i ludei, nevajno chto film sovrm ne pro to. Urodi v nei ne prrisutstvuiut, no v nashi dni (toje okayannie) oni vse vremia est i kojei chuvstvuesh kak oni razrushaiut(uje razrushili) tepluiu ludskuiu jizn. Spasibo. Elena Bonner

* * *

В последний раз я видел Юру, кажется, весной 2011 г., то ли в РГГУ, то ли по дороге оттуда. Он приглашал зайти к нему, говорил, что у него вышло несколько книжек, что он с удовольствием мне их подарит. Я сказал, что конечно, хорошо бы встретиться, поговорить. И книжки его буду рад получить.

Увы, как всегда, сразу не собрался...